

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 175–188.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 175–188.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

**ЛИЦО, ПРОПАВШЕЕ БЕЗ ВЕСТИ:
ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

Кузнецов Евгений Викторович^{1,2}

¹Юридический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российской Федерации,

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, kev300579@gmail.com

Введение. Результаты деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации по розыску без вести пропавших лиц не в полной мере отвечают интересам личной и общественной безопасности. Возможными причинами этого является то, что в российском разыскном законодательстве и теории оперативно-разыскной деятельности отсутствует единообразный подход к определению «лицо, пропавшее без вести».

Материалы и методы. В ходе исследования использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы познания, позволившие изучить специфику нормативного регулирования понятия «лицо, пропавшее без вести». Для подтверждения ряда теоретических положений исследования были использованы статистический метод, а также метод экспертных оценок, основанный на контент-анализе доктринальных позиций, относительно предмета исследования. В целях разработки дефиниции «лицо, пропавшее без вести» использовался комплекс общенаучных методов, таких как анализ и синтез, обобщение и аналогия, логический подход.

Результаты исследования. Проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие особенности правового регулирования розыска лиц, пропавших без вести. Сделан анализ теоретических работ, в которых отражены различные подходы к понятию «лицо, пропавшее без вести». Акцентировано внимание на отсутствие как в российском праве, так и доктрине единообразного подхода к пониманию сущности изучаемой дефиниции, что приводит к негативным явлениям в сфере разыскной деятельности.

Выводы и заключения. Закрепленные легально, а также разработанные в теории оперативно-разыскной деятельности понятия «лицо, пропавшее без вести», имеют отдельные недостатки. В связи с этим предложено авторское определение, указанной дефиниции, устраниющее выявленные пробелы. При этом предложены конкретные пути легального закрепления в оперативно-разыскном законодательстве, сформулированного понятия. Последний шаг может оптимизировать деятельность правоохранительных органов по розыску лиц, пропавших без вести.

Ключевые слова: лицо, пропавшее без вести, разыскная деятельность, федеральный розыск, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, причины исчезновения граждан, несовершеннолетний, самовольно ушедший из семьи или специализированного учреждения, лицо, утратившее связь с близкими родственниками

Для цитирования: Кузнецов, Е. В. Лицо, пропавшее без вести: понятие, правовое регулирование // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 175–188.

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

MISSING PERSON: CONCEPT, LEGAL REGULATION

Kuznetsov Evgeny Viktorovich^{1,2}

¹Institute of Law of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

kev300579@gmail.com

Introduction. The results of the activities of law enforcement agencies in the Russian Federation in the search for missing persons do not fully meet the interests of personal and public safety. Possible reasons for this are that there is no uniform approach to the definition of "missing person" in Russian investigative legislation and the theory of operational investigative activities.

Materials and Methods. In the course of the research, historical, legal and comparative legal methods of cognition were used, which made it possible to study the specifics of the regulatory regulation of the concept of "missing person". To confirm a number of theoretical provisions of the study, the statistical method was used, as well as the method of expert assessments based on a content analysis of doctrinal positions regarding the subject of the study. In order to develop the definition of "missing person", a set of general scientific methods was used, such as analysis and synthesis, generalization and analogy, and a logical approach.

The Results of the Study. The regulatory legal acts regulating the specifics of the legal regulation of the search for missing persons are analyzed. An analysis of theoretical works is made, which reflect various approaches to the concept of "missing person". Attention

is focused on the lack of a uniform approach to understanding the essence of the definition under study in the Russian Federation, both in law and doctrine, which leads to negative phenomena in the field of investigative activities.

Findings and Conclusions. The concepts of "missing person", which are legally fixed, as well as developed in the theory of operational investigative activities, have some drawbacks. In this regard, the author's definition of the specified definition is proposed, eliminating the identified gaps. At the same time, specific ways of legally consolidating the formulated concept in operational investigative legislation are proposed. The last step can optimize the activities of law enforcement agencies in the search for missing persons.

Keywords: missing person, investigative activities, federal search, operational investigative activities, operational investigative measures, reasons for the disappearance of citizens, a minor who voluntarily left his family or a specialized institution, a person who lost contact with close relatives

For citation: Kuznetsov, E. V. Lico, propavshie bez vesti: ponyatie, pravovoe regulirovanie [Missing person: Concept, Legal Regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 175–188.

Одним из традиционных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) является розыск лиц, пропавших без вести⁶. Несмотря на ежегодное снижение количества разыскиваемых лиц данной категории, их число продолжает быть достаточно внушительным, так, в 2020 году в федеральном розыске находилось 41901 граждан, в 2021 году – 40349, в 2022 году – 38517⁷. При этом нельзя не учитывать латентную составляющую деятельности в сфере регистрации фактов безвестного исчезновения граждан. Как отмечает Е. В. Буряков, правоохранительные органы не всегда владеют информацией о «реальном» исчезновении одиноких людей, по разным причинам утративших и/или не поддерживающих родственные связи [1, с. 7]. Затруднительным является и определения точного числа пропавших граждан в ходе военных конфликтов, в том числе Специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине.

Несмотря на уменьшение числа объявляемых в розыск лиц, указанной категории, результативность обнаружения лиц, пропавших без вести, за последние 8 лет снизилась более чем в два раза. Так, с 2015 по 2017 гг. ежегодно обнаруживалось порядка 48-49 % лиц, значившихся в розыске, то в 2018 году этот показатель составил 20 % (см. данные, приведенные в 7-ой графе таблицы 1).

⁶ В данной статье словосочетания «лицо, пропавшее без вести» и «без вести пропавшее лицо» используются как синонимы.

⁷ Здесь и далее статистические данные в сфере розыска приводятся на основе анализа Сводных отчетов по России о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за периоды с 2015 по 2022 гг., ежегодно формируемых ГИАЦ МВД России.

Таблица 1

Результаты деятельности правоохранительных органов в сфере розыска лиц, пропавших без вести, с 2015 по 2024 гг.

Отчетный год	Всего в федеральном розыске лиц, пропавших без вести, в отчетном году	В том числе		Розыск прекращен	В том числе				Остаток в розыске на конец отчетного периода
		Объявлено в розыск в отчетном году	Процент объявленных в розыск в отчетном году в соотношении со 2 графой данных		С установлением разыскиваемых	Процент розыска по отношению к данным, указанным во 2 графе	Объявленных в розыск в отчетном периоде	Процент по отношению к данным, указанным в 3 графе	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2022	38517	8694	23%	10158	7561	20%	5969	69%	28359
2021	40349	10021	25%	11289	8561	21%	6838	68%	29060
2020	41901	10595	25%	12338	9481	23%	7287	69%	29563
2019	49785	17372	35%	19282	15388	31%	13250	76%	30503
2018	76217	35787	47%	44426	33545	44%	32123	90%	31791
2017	83923	41714	50%	44231	40748	49%	38963	93%	39692
2016	88751	44227	50%	46710	42937	48%	40887	92%	42041
2015	92598	46508	50%	48176	45197	49%	43001	92%	44422

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости акцентуации внимания на различных проблемах розыска без вести пропавших лиц. Среди них следует выделить и тот факт, что в настоящее время в Российской Федерации, применительно к федеральному розыску, законодательно не закреплено понятие «лицо, пропавшее без вести», что в практической деятельности приводит к трудностям, связанным с необходимостью отграничения указанной дефиниций от смежных категорий, например, от таких как «лицо, утратившее связь с близкими родственниками», или «несовершеннолетний, самовольно ушедший из семей». Относительно обозначенной

дефиниции нет единства и в теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) о чем будет указано ниже.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, отрицательно сказываются на эффективности практической деятельности, осуществляющейся в сфере розыска лиц, пропавших без вести, так как создают почву для злоупотреблений в разыскной сфере. Например, используя указанный правовой и теоретический пробел сотрудники правоохранительных органов получают возможность манипулировать статистическими данными, в угоду конъюнктурных интересов, в том числе, как отмечает Т. А. Малыхина, стремления контролировать показатели уровня преступности [2, с. 104–105], а также отказывать родственникам в активном розыске их пропавших близких оперативно-разыскными методами и средствами.

Вышеуказанное свидетельствует о существовании потребности в изучении и раскрытии вопроса, посвященному указанному понятию и его правовому регулированию.

Обращаясь к дефиниции «лицо, пропавшее без вести» следует отметить, что на сегодняшний день в Российской Федерации на уровне нормативных правовых актов она нашла свое легальное закрепление только в Договоре государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г.⁸ (далее – Договор о межгосударственном розыске), ратифицированном федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 87-ФЗ «О ратификации Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц»⁹.

Согласно ст. 1 указанного международного соглашения пропавшим без вести следует считать лицо, в отношении которого в компетентный орган поступило заявление или сообщение об исчезновении. При этом под компетентным органом понимаются органы, уполномоченные в соответствии с национальным законодательством вступать в сношения по вопросам межгосударственного розыска лиц и принимать решения об объявлении (прекращении) межгосударственного розыска и/или его осуществлении.

Рассматривая вышеобозначенную дефиницию следует отметить, что в ней весьма расширительно раскрывается содержание исследуемого понятия. Из чего следует, что в России должностные лица территориальных ОВД, в структуре которых имеются подразделения уголовного розыска, чьи сотрудники наделены правом готовить документы для начала производства межгосударственного розыска, должны

⁸ Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц (с изменениями на 8 октября 2024 года): международный договор от 10 декабря 2010 г., г. Москва (вступил в силу для Российской Федерации с 26 августа 2016 г.) // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/2570891/> (дата обращения: 18.03.2025).

⁹ О ратификации Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц : Федер. закон № 87-ФЗ : принят Гос. Думой 25 апреля 2014 г. : одобрен Советом Федерации 29 апреля 2014 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70648918/> (дата обращения: 18.03.2025).

автоматически, с момента поступления к ним информации о безвестном исчезновении гражданина, считать его без вести пропавшим. Вряд ли такое понимание рассматриваемой категории следует считать правильным, так как при буквальном толковании указанной нормы, без вести пропавшим, лицо объявляется не компетентными сотрудниками правоохранительных органов, а субъектами разыскных правоотношений, подавшим заявление в полицию, например, родственниками исчезнувших лиц.

Таким образом, закрепленное в указанной норме положение фактически раскрывает не сущность понятия «лицо, пропавшее без вести», а описывает лишь формальный повод для принятия решения о начале разыскных действий, которые могут быть первоначальными, т. е. проводимыми с момента получения сообщения об исчезновении гражданина, и последующими, осуществлямыми после заведения соответствующего дела оперативного учета и вынесения постановления об объявлении лица в федеральный и межгосударственный розыски [3, с. 253, 262–263]. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратиться к методу аналогии и вспомнить, например, положения ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ¹⁰, где перечисляются поводы для возбуждения уголовного дела, к которым относится заявление о преступлении [4, с. 63], явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Следует учитывать, что положения, закрепленные в Договоре о межгосударственном розыске, имеют ограниченную сферу регулирования и могут использоваться лишь в случаях начала производства межгосударственного розыска¹¹, ведущегося только на территории стран – участников Содружества Независимых Государств, подписавших и ратифицировавших указанный нормативный акт.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что понятие «лицо, пропавшее без вести», закрепленное в Договоре о межгосударственном розыске, не вносит ясности в сущность данной категории и при этом имеет ограниченную сферу правового регулирования. Указанное свидетельствует о необходимости дальнейших рассуждений.

Обращаясь к теории следует отметить, что российскими учеными, как правило, специализирующимися на ОРД, неоднократно предлагались различные трактовки исследуемого понятия. Многочисленные мнения по данному вопросу достаточно подробно описаны в исследовании Е. В. Бурякова, при этом ученый, на основе проведенного анализа предложил собственное определение. Согласно его позиции, без вести пропавшим следует считать «физическое лицо, в отношении которого в органы внутренних дел поступили сведения о внезапном, без видимых к тому причин

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹¹ В Российской Федерации правовыми нормами закреплены также такие виды розыска лиц, как федеральный и международный, не совпадающие по своей сущность с межгосударственной формой разыскных действий.

исчезновении, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными, и для его обнаружения необходима специальная розыскная деятельность» [1, с. 10].

Одним из ключевых признаков данного понятия, на наш взгляд, является указание на обстоятельства исчезновения лица, которые, по мнению ученого, включают «внезапность исчезновения» и «отсутствие видимых причин к этому». Данная позиция автора является весьма традиционной. Схожие теоретические конструкции предложены во многих научных работах [5, с. 299; 6, с. 26]. При этом данный признак с 1998 по 2018 годы был закреплен нормативно в Инструкции об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД России от 5 мая 1993 г. № 213дсп (с изм. от 13 ноября 1998 г.), утратившей свою силу 1 марта 2018 г. в связи с принятием нового закрытого межведомственного приказа, регламентирующего правила розыска и идентификации отдельных категорий лиц [7, с. 89].

Нельзя не согласится с тем, что выделенные Е. В. Буряковым и другими исследователями признаки наиболее «удачно» и точно соответствуют смыслу словосочетания «пропал без вести». Анализ правоприменительных ситуаций, связанных с исчезновением граждан, действительно свидетельствует о том, что во многих случаях родственники не могли назвать понятные причины исчезновения их близкого и сам факт его пропажи для них стал неожиданностью [8, с. 42–43]. В качестве примера можно привести решение Советского районного суда г. Махачкалы, в котором констатировалось, что мужчина, являвшийся родственником лица, обратившегося в суд, ушел более пяти лет назад на работу, но домой так и не вернулся¹².

Несмотря на общепринятость вышеуказанной позиции, приведенная конструкция рассматриваемого понятия имеет определенную пробельность. В частности, в нем в качестве признака лица, пропавшего без вести, приводится лишь одна ситуация – исчезновение лица в силу неизвестных и неожиданных (внезапных) для его близких лиц причин. На самом же деле пропажа граждан нередко происходит и при относительной очевидности причин их исчезновения, обусловленной нахождением в ситуации, связанной с риском для жизни и/или потерей связи с близкими. Например, физические лица зачастую попадают в эпицентры природных или техногенных катастроф, участвуют в военных действиях, пропадают в природных условиях во время научных или туристических экспедиций, сборов дикоросов, охоты и т. п. Примером подобной ситуации может быть судьба трех туристов, пропавших в 2024 году в Охотском море, чья лодка с одним лишь выжившим была обнаружена после 67 дней автономного дрейфа [9].

В приведенных выше ситуациях причины исчезновения, как правило, достаточно предсказуемы и понятны. При этом высокая вероятность гибели исчезнувшего в ходе военных действий и катастроф или то, что он заблудился или по иным очевидным причинам не может выйти на связь из отдаленных и

¹² Решение Советского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 29 июля 2024 г. № 2-4666/2024 2-4666/2024-М-3900/2024 М-3900/2024 по делу № 2-4666/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/8pbLbRkHRAJ1/ (дата обращения: 18.03.2025).

труднодоступных мест не должна является основанием для правоохранительных органов не объявлять данное лицо, как минимум, в федеральный розыск и фактически не осуществлять его, хотя бы с использованием лишь сигнальных систем разыскных и иных учетов правоохранительных органов¹³.

Учитывая изложенное невключение в содержание исследуемого понятия перечня очевидных причин исчезновения граждан, может расцениваться как обстоятельство, позволяющее полиции не признавать исчезнувшего в качестве лица, пропавшего без вести. Следствием этого может быть то, что попавшее в беду лицо фактически «теряет право на свой розыск» методами, предусмотренными оперативно-разыскным законодательством, которые в эру развития цифровых технологий стали весьма эффективными. В частности, достаточно вспомнить положения ч. 7 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁴ (далее – ФЗ об ОРД), предусматривающей возможность обнаруживать место нахождение пропавшего без вести путем снятия информации с технических каналов связи.

В дополнении к вышесказанному следует отметить, что гражданское законодательство, регулируя вопросы объявления гражданина умершим, в ч. 1 ст. 45 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁵ фактически признает лиц, исчезнувших «...при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая...», в том числе военнослужащих и иных граждан, место нахождение которых не известно в связи с военными действиями (ч. 2 ст. 45 ГК РФ), без вести пропавшими.

Учитывая вышеизложенное, использование в понятии «лицо, пропавшее без вести» в качестве обязательного признака его внезапность исчезновения и отсутствия к этому причин, не отвечает потребностям общества, так как создает неопределенность в правом регулировании обязанностей государственных органов по обеспечению розыска лиц, исчезнувших при очевидных обстоятельствах.

Существует и иная, достаточно распространенная точка зрения на исследуемое понятие. В частности целый ряд исследователей под без вести пропавшими понимают лиц, исчезнувших внезапно без видимых к тому причин, местонахождение которых для окружающих неизвестно, в том числе несовершеннолетних, ушедших из дома, школ-интернатов, детских домов, бежавших из центров временного содержания и специальных образовательных учреждений; психически больных, ушедших из дома

¹³ Имеется ввиду постановка разыскиваемого на централизованный федеральный криминалистический и разыскной учет, без заведения дела оперативного учета и планирования оперативно-розыскных мероприятий по его поиску.

¹⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) : ГК : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 18.03.2025).

или медицинского учреждения, а также утративших связь с близкими родственниками [10, с. 12; 11].

Как можно заметить данное понятие тесно коррелирует с выше рассмотренной позицией, так как оно включает в свое основание уже рассмотренные признаки внезапности и отсутствия видимых причин. Однако отличительной особенностью процитированного определения является то, что ученые, используя союз «в том числе», который служит для присоединения **определенных элементов** к его более общей части, тем самым отождествляют без вести пропавших с другими категориями разыскиваемых ОВД лиц, перечень которых закреплен п. 12 ч. 1 ст. 12 (Обязанности полиции) Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹⁶ (далее – ФЗ «О полиции»). При этом следует отметить, что после преобразования милиции в полиции и изменения правовой основы разыскной деятельности с 2018 г. розыск государственными органами лиц, утративших связь с близкими родственниками, фактически утратил свою легитимность выйдя за рамки правового поля, о чем нами упоминалось в предыдущем исследовании и отстаивалась мнение о необходимости закрепить в качестве самостоятельной обязанности полиции и задачи оперативно-розыскных органов розыск данной категории граждан [12, с. 96].

Позиция авторов относительно отождествления лиц, пропавших без вести, с некоторыми другими категориями разыскиваемых, например, несовершеннолетними, самовольно ушедшими из специализированных учреждений для их социальной реабилитации, нам вполне понятна. Она обусловлена пробелом в оперативно-розыскном законодательстве. В частности, если не проводить указанное равенство, то органы, осуществляющие ОРД, лишаются права проводить оперативно-розыскные мероприятия для поиска целой категории граждан, упомянутых в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции». Это связано с тем, что согласно ст. 2 (задачи ОРД) ФЗ об ОРД оперативные сотрудники с использованием методов ОРД могут осуществлять лишь розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших.

В отдельной научной публикации нами уже приводились аргументы в пользу необходимости устранить указанный пробел, а также предлагались различные пути совершенствования разыскного законодательства, в том числе включение в исследуемое понятие лиц, перечисленных в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ о полиции, и закрепление его в разыскном законодательстве [13, с. 102-103].

Таким образом, в целом соглашаясь с авторами рассматриваемого определения относительно целесообразности отождествления без вести пропавших с другими разыскиваемыми полицией лицами, не относящимися к скрывшимся подозреваемым, обвиняемым и осужденным, тем не менее хотим обратить внимание на его недостатки:

1. Использование в определении союза «в том числе», подразумевает, что, например, самовольно ушедшим несовершеннолетний, должен будет призываться

¹⁶ О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 18.03.2025).

только если он пропал внезапно без видимых к тому причин, что как ранее говорилось не всегда имеет место в случаях неизвестности его места нахождения.

2. До момента пока в разыскное и оперативно-разыскное законодательство не будут внесены соответствующие изменения отождествлять упомянутые категории, нельзя, так как в ведомственных нормативных актах для разных категорий разыскиваемых закреплены разные процедуры их объявления в розыск, его осуществления и прекращения, что с позиции формальной логики (закона исключённого третьего) означает отсутствия знака равенства между упомянутыми дефинициями.

3. В перечне разыскиваемых лиц, закрепленном в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции», многие наименования категорий разыскиваемых сформулированы не так как в рассматриваемом определении, хотя по смыслу, конечно, многие из них их подразумевают. Например, ученые используют словосочетание «несовершеннолетние, ушедшие из дома, школ-интернатов, детских домов», а в ФЗ «О полиции» говорится о несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.

Теоретический интерес представляет и определение, разработанное авторами модельного закона «О лицах, пропавших без вести»¹⁷. Согласно ст. 2 упомянутого рекомендательного законодательного акта стран Содружества Независимых государств, лицо, пропавшее без вести, – это человек, местонахождение которого неизвестно его родственникам и (или) который на основании достоверной информации и в соответствии с национальным законодательством (государства) объявлен лицом, пропавшим без вести, в связи с международным или немеждународным вооруженным конфликтом, ситуацией насилия или беспорядков внутри страны. На наш взгляд оно достаточно удачное, так как упоминает ключевой признак, свидетельствующий об исчезновении гражданина, а именно неизвестность его местонахождения родственникам. Однако серьезным недостатком является то, что упомянутый модельный закон регулирует отношения по розыску лиц, которые пропали без вести, лишь в ходе вооруженных внутренних или внешних политических конфликтов, что следует и из процентрируемого определения. Соответственно правоотношения, возникшие со всеми другими ситуациями, данное определение регулировать не способно.

Пытаясь найти дополнительные признаки, которые должны содержаться в исследуемом определении необходимо упомянуть п. 10 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденной приказом

¹⁷ О лицах, пропавших без вести : модельный закон : принят на 31 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 31-17 от 25 ноября 2008 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902157696> (дата обращения: 20.03.2025).

МВД России, Генпрокуратуры России и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5¹⁸. В нем перечисляются более 20 обстоятельств, которые должны расцениваться как признаках совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица. Анализируя положения упомянутого приказа следует отметить, что в содержании исследуемого определения целесообразно включать обобщенный признак, описывающий возможность исчезновения лица, по причине совершения в его отношении преступления.

С учетом сделанного обобщения попытаемся сформулировать собственное авторское понятие лица, пропавшего без вести, включив него в качестве основы, упоминание повода для начала разыскных действий, а также их основания, сформулированные в качестве указания общих состояний, причин и обстоятельств исчезновения.

Без вести пропавшим признается физическое лицо, чье место нахождение неизвестно правоохранительным органам, и в отношении которого к ним поступило сообщение о том, что оно исчезло неожиданно для его близких, или в отдаленной от населенных пунктов и/или труднодоступной местности, или при обстоятельствах, угрожающих смертью, а также дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, или по причине совершения в его отношении преступления, кроме этого без вести пропавшим следует считать несовершеннолетнего, самовольно ушедшего из семьи, или специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, а также лицо, уклоняющееся от добровольной госпитализации, назначенной судом в связи с наличием психического расстройства, и лицо, утратившее связь с близкими родственниками.

Несмотря на громоздкость данного определения и сложность его восприятия, на наш взгляд, в нем получилось закрепить ключевые признаки, отражающие сущностные особенности рассматриваемой категории разыскиваемых лиц. При этом были учтены практические потребности в признании ряда разыскиваемых полиций лиц в качестве без вести пропавших. Последнее позволит органам полиции обеспечивать эффективный их поиск посредством использования гласных и негласных сил, средств и методов ОРД.

Следует учитывать, что использовать данное определение возможно лишь при условии его нормативного закрепления в разыскном законодательстве. В связи с чем предлагаем закрепить его в ФЗ об ОРД, например, в качестве примечания к ст. 2 (задачи ОРД).

¹⁸ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16 января 2015 г. // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70804152/> (дата обращения: 20.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буряков, Е. В. О понятии без вести пропавшего лица: проблемы теории и практики // Оперативно-розыскное право. 2022. № 1. С. 7–11.
2. Малыхина, Т. А. Значение показателей преступности при оценке деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1 (10). С. 102–106.
3. Лапин, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 465 с.
4. Новокрещенов, Н. С. Особенности возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1. С. 63–65.
5. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 399 с.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. С. Овчинского. М.: Норма ИНФРА М, 2022. 488 с.
7. Розыскная и идентификационная деятельность подразделений уголовного розыска: учебное пособие / В. Б. Батоев, С. В. Ермаков, О. А. Кнаус, Е. В. Кузнецов. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 164 с.
8. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. 378 с.
9. Филатова, А., Реутова, Ю., Цвентгер, Т. и др. Думал о дочке и маме: как россиянин выжил, проведя 67 дней в Охотском море // Комсомольская правда. Иркутск : электрон. издание. URL: <https://www.kp.ru/daily/27647/4998232/> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Вагин, О. А., Исиченко, А. П., Чечетин, А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) : Текст : электронный // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/5591968/> (дата обращения: 18.03.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
11. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электрон. учебник / под ред. д-ра юрид. наук, доцента В. А. Гусева. 2-е изд., перераб. и доп. Омск : Омская академия МВД России, 2021. : сайт. URL: <https://ordrf.ru/uchebnik2/page3.html> (дата обращения: 19.03.2025).
12. Козийчук, П. Н., Кузнецов, Е. В., Шапочанский, В. Н. Розыск лиц, утративших связь с близкими родственниками: ретроспективный анализ и правовые аспекты / П. Н. Козийчук, // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 87–97.
13. Кузнецов, Е. В. Правовое регулирование правоотношений в сфере розыска полицией лиц, пропавших или скрывающихся не в связи с криминальными обстоятельствами / Е. В. Кузнецов // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 16 февраля 2024 года. Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 98–104.

REFERENCES

1. Buryakov, E. V. O ponyatii bez vesti propavshego lica: problemy teorii i praktiki [On the concept of a missing person: problems of theory and practice]. Operativno-rozysknoe pravo – Operational search law. 2022, no. 1, pp. 7-11.
2. Malykhina, T. A. Znachenie pokazatelej prestupnosti pri ocenke deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossiijskoj Federacii [The importance of crime indicators in assessing the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law vestnik. 2024, no. 1 (10), pp. 102-106.
3. Lapin, E. S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' [Operational investigative activities]. Moscow, 2025, 465 p.
4. Novokrestenov, N. S. Osobennosti vozbuздheniya del chastnogo obvineniya pri proizvodstve u mirovogo sud'i [Features of the initiation of private prosecution cases in the proceedings of a justice of the peace]. Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law vestnik. 2007, no. 1, pp. 63-65.
5. Dubonosov, E. S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' [Operational investigative activities]. Moscow, 2024, 399 p.
6. Ovchinskogo V. S. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» [Commentary to the Federal Law "On operational investigative activities"]. Moscow, 2022, 488 p.
7. Batoev, V. B. Rozysknaya i identifikacionnaya deyatel'nost' podrazdelenij ugolovnogo rozyska: uchebnoe posobie [Search and identification activities of criminal investigation units: a textbook]. Irkutsk, 2019, 164 p.
8. SHkhagapsoeva, Z. L., Golyandina N. P. Osnovy operativno-razysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del [Fundamentals of operational investigative activities of the internal affairs bodies]. Krasnodar, 2016, 378 p.
9. Filatova, A. I was thinking about my daughter and my mother.: how a Russian survived after spending 67 days in the Sea of Okhotsk / A. Filatova, Yu. Reutova, T. Tsvenger, and others // Komsomolskaya Pravda newspaper (article dated October 16, 2024) : website. URL: <https://www.kp.ru/daily/27647/4998232/> (date of access: 03/18/2025).
10. Vagin, O. A., Isichenko, A. P., Chechetin, A. E. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 12 avgusta 1995 g. N 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» (postatejnyj) [Commentary to Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational Investigative activities" (article-by-article)]. Moscow, 2008 // Information and Legal Portal Гарант.ги : the website. URL: <https://base.garant.ru/5591968/?ysclid=m8sjh54ryf216321560> (accessed: 18.03.2025).
11. Guseva, V. A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Obshchaya chast [Operational and investigative activities of the internal affairs bodies. The common part]. Omsk, 2021. : URL: <https://ordrf.ru/uchebnik2/page3.html> (date of appeal: 19.03.2025).
12. Koziychuk, P. N., Kuznecov, E. V., SHapochanskij V. N. Rozysk lic, utrativshih svyaz' s blizkimi rodstvennikami: retrospektivnyj analiz i pravovye aspekty [Sibirskij yuridicheskij vestnik Search for persons who have lost contact with close relatives: a

retrospective analysis and legal aspects]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* – Siberian Law vestnik. 2022, no. 4(99), pp. 87-97.

13. Kuznetsov, E. V. [Legal regulation of legal relations in the field of police search for persons who have disappeared or are hiding not in connection with criminal circumstances] *Aktual'nye problemy ugolovnogo processa i kriminalistiki : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Irkutsk, 16 fevralya 2024 goda.* [Actual problems of criminal procedure and criminalistics : Materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Irkutsk, February 16, 2024]. Irkutsk: All-Russian State University of Justice, 2024, pp. 98-104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета. 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Evgeny Viktorovich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of Judicial Law the Law Institute of Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, Ulan Batorskaya str., 10

Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment at the Department of Internal Affairs, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov St. 110

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.